

В крошечной темноте нижней каюты Будущего.

Фрэнк Ли зажёл свечу, и та осветила стол, ломящийся от сырого мяса, грибов, пшеничного зерна и рыбы.

Фрэнк небрежным движением всё это подвинул, освободил немного места для листка бумаги.

Затем спешно разложил листок, взял самопишущее перо и с взволнованным видом начал писать:

"Мой дорогой друг Герман Воробей! Я несказанно рад, что сушёные грибы вам пришлись по нраву. Возможно, этот способ даже полезнее, чем я себе представлял. Когда буду свободен, ещё раз на них взгляну.

Поскольку я полностью, физически и душевно, сосредоточился на упомянутом вами эксперименте, я уже приостановил работу над всеми остальными моими творениями. Большинство грибов сожгла Нина, и остались лишь последние три. Надеюсь, они вам помогут.

Прилагаю последние свои разработки. Одна из них – разновидность гриба, которая растёт, питаясь мясом и кровью. Таких грибов есть три сорта. Первый – гибрид с пшеницей, и его можно измельчать в грибную муку, из которой делается хлеб. Второй примечателен тем, что смешан с молоком, и молоко из него можно экстрагировать. Последний – гриб, скрещенный с рыбой. Получаются они освежающими, с плотной, мясистой мякотью.

Нужно помнить, что их ни в коем случае нельзя есть сырыми. Их нужно отваривать в воде, вскипячённой до 90° Цельсия, не менее пяти минут, чтобы убить в них все признаки жизни, иначе, во что бы гриб не превратился, он будет втягивать в себя плоть и кровь, находящиеся поблизости, включая и органы человека.

И ещё одно. Грибы не умеют различать обычное мясо и плоть монстров, и вторую перерабатывать, как следует, тоже не умеют. Они впитают в себя всё, что в ней есть – и яд, и безумие.

Думаю, от разных видов плоти монстров они претерпят разные мутации и будут грозить всевозможными опасностями. Но удостовериться в этом я не смог, поскольку трупов монстров мне не хватает. Если случится вам добыть таковой в своих приключениях, то, пожалуйста, отправьте мне его почтой. Нужно мне их совсем немного.

А возникнут ли какие-то ещё проблемы, я не могу с уверенностью сказать. Это ещё пока прототип, на котором нельзя произвести дальнейших опытов и наблюдений...

Желаю вам всего наилучшего и обильных добыч в ваших приключениях. Искренне ваш друг Фрэнк Ли".

Отложив перо, Фрэнк от начала до конца перечитал свой ответ, и затем уже, довольный, сложил листок. Нашёл золотую монету и положил на письмо.

Быстро устроил ритуал вызова посланника и приготовился пропеть заклинание.

Тут бессознательно огляделся вокруг и был ошеломлён.

После чего вытолкнул ближайшую кучу земли за дверь.

...

Округ Императрицы, роскошная вилла графа Холла.

Одри скрывалась в своей комнате и рассматривала, держа в руке, стеклянную бутыл.

В бутылки была прозрачная бесцветная липко-вязкая жидкость. В покое она походила на зеркало – отражала всё, что находилось поблизости. Если встряхнуть и пустить волны, то в ней завивался водоворот, совсем крохотный, и тихо кружился под её поверхностью.

То было ничто иное, как зелье Гипнотизёра, которое Одри только что благополучно сварила!

Она уже усвоила своё зелье Психиатра и планировала продвигаться на Последовательность 6, когда с ней связались Психологические Алхимики Бэклэнда.

С помощью Умиротворения приведя в покой душевное состояние, Одри слегка куснула губу, подняла бутылку и залпом выпила зелье.

После того, как сознание Одри ненадолго остыло, расслабилось, она вдруг снова почувствовала, как оно разрывается. Тело её тоже казалось поражённым чем-то и становилось словно бесплотным.

В тот миг Тело Души, Астральная Проекция и Эфирное Тело Одри впитывались и присваивались её Телом Сердца и Разума. Вся её личность представляла собой, словно бы отражения в амальгаме чистых мыслей, которые начинали бурлить водоворотом. Одри почувствовала безбрежное море коллективного бессознательного, объединяющего всех живых существ, и уловила контрастирующее с ним море духовное.

Ощувив тревогу, знакомую по продвижению в Психиатра, Одри не запаниковала. Она, наконец,

ухватила за проблеск ясности и усмирила бессознательный порыв влиться в "море".
Позволила своему сознанию распространиться повсюду, во все стороны, а затем стянуться, как резинка.

Прошло неведомо сколько времени, и Одри обрела своё внутреннее Я. Она увидела, что тыльная сторона руки её покрыта частыми, плотными золотыми чешуйками, почувствовала, что ниспадающие по плечам волосы стали роскошно-пышными и тяжёлыми, словно вправду сделаны были из золота.

Отступили эти причудливые явления, и Одри быстро восстановилась. Но когда она взглянула в зеркало, то обнаружила, что глаза её, хоть и ясные на вид, таят глубоко внутри себя странный бездонный водоворот, от которого другим трудно отвести взоры, так манит он мгновенно утонуть в этой бездне.

- Это признак рассеивающегося духа, которому только предстоит полностью сгуститься... -
Одри понемногу развела нахмуренные брови, и улыбка её стала лучезарной.

Посмотрела на себя в зеркало и легонько кивнула, не в силах скрыть улыбку.

- Одри, ты уже на Последовательности 6!

Успокоившись, она со всей серьёзностью прислушалась к себе, чтобы определить, каковы новые силы Потусторонних и качественные изменения.

Потрудившись в наблюдении, Одри стала приблизительно понимать, что к чему.

Во-первых, значительно усилилась её стать. В силе ли, в ловкости - во всём Одри превосходила обычного человека. Она к тому же могла образовывать у себя на коже слой "Чешуек", изрядно противостоящих всякому натиску и уменьшающих ущерб. Во-вторых, произошла качественная перемена в Психологическом Внушении. Оно стало видом гипноза в областях вне боя. Заставляя жертв сосредоточиться на чём-нибудь, Одри могла открывать дверь к Телу Сердца и Разума, напрямую менять их сознание и воздействовать на бессознательное.

Так цель не заметит, что подчиняется её распоряжениям и действует не по своим истинным намерениям.

Конечно, если "распоряжения" Одри будут прямо угрожать жизни жертвы или чему-то, чему та подсознательно придаёт большое значение, то жертва станет отчаянно сопротивляться, и от этого гипноз сорвётся. Вдобавок, если у жертвы сильная душа, крепкие тело и ум, то она сможет до какой-то степени сопротивляться гипнозу.

В-третьих - Боевой Гипноз. Одри могла насильно гипнотизировать врага, заставив его делать что-то из ряда вон выходящее, например, нападать на собственных товарищей или избегать её,

Гипнотизёра. Однако длился такой гипноз совсем недолго. Жертва вскорости резко пробуждалась и чувала неладное. Да и жизни её этот гипноз не угрожал, и покончить с собой, так врага нельзя было заставить.

Четвёртой шла Психологическая Невидимость. Управляя Телом Сердца и Разума жертвы и усилием воли оставаясь в слепом пятне собственного сознания, Одри могла достичь эффекта невидимости, даже кто-то находящийся прямо перед ней не чувствовал её присутствия.

– Весьма впечатляюще... Единственное, о чём сожалею – это что мне всё ещё не хватает сил Потусторонних, которые могут нападать напрямую... – Одри слегка, незаметно надула щёки, изо всех сил пытаясь сгустить свой дух и сделать глаза не столь дурманящими.

Сведя на нет большинство своих чрезвычайных явлений, она открыла дверь ипустила Сьюзи. Золотистая ретриверша стала помогать Одри знакомиться с новообретёнными силами Потусторонних.

Вскоре в дверь постучала её горничная Энни и вошла, неся письмо-приглашение.

– Миледи, Церковь организует в субботу благотворительный вечер в пользу нового фонда для сбора денежных средств, нацеленных на помощь бедным. Вас пригласили.

Одри не сразу дала согласие, сначала спросила:

– А моих родителей пригласили?

– Да, их тоже пригласили, и ещё лорда Гибберта, – честно отвечала Энни.

Одри кивнула и сказала с улыбкой:

– Передайте Церкви, что я участвую. Заодно выясните точнее положение дел в благотворительном фонде, чтобы мне легче было решить, сколько пожертвовать.

...

Вечером в интисском ресторане Сренцо.

– Поистине ослепительное место. Куда милее, чем гостиные и комнаты для занятий у многих знатных людей, – Фос оглядывалась вокруг, словно здесь находилась, чтобы собирать материал для творчества.

Хоть она участвовала во многих литературных салонах, организуемых знатными людьми, но

всегда посещала те, что происходили в их домах, а не в таких ресторанах высшего класса.

Сио схватилась рукой за свои жёсткие белокурые пряди.

- Это стиль Интиса. От нашего он отличается. Может, и мило на первый взгляд, но глубины и существенности в нём нет.

- Как это в нём нет существенности? Посмотри, вот эти всё знаменитые масляные картины и статуи... - нарочно возразила Фос.

Беседовала она приглушённо, поскольку ещё не вошли в главную дверь.

И с этими словами нашла личную комнату, о которой упоминал Уолтер. Фос без обиняков применила Открытие Дверей и затащила Сио. Спрятались в шкафу кладовой и ждали прибытия защищаемого объекта, Дуэйна Дантеса, и его гостей.

- Как думаешь, три процента долей Компании Коим это сколько? - буднично спросила заскучавшая Фос.

Утром она заходила в Собор Святого Самуила вместе с Сио, чтобы охранять, притворяясь, что молится.

Сио, замявшись, отвечала:

- Ну, несколько тысяч фунтов, не меньше. Епископ, кажется, этому делу придал огромное значение.

- Как роскошно. Тысячи фунтов просто так дарят. Почему он не выручает таких бедняков, как мы? - по-доброму язвительно проговорила Фос.

Тут открылась дверь в комнату. Дуэйн Дантес и семья Махта вошли, заняли свои места. Начали одновременно суетиться вокруг них и официанты.

Сио и Фос больше не разговаривали, подслушивали болтовню вокруг, наблюдая за ситуацией, и время от времени поводили носами на ароматы яств.

Вдруг Сио нахмурилась, словно что-то почуяла и быстро снова развела брови, как ни в чём не бывало.

- Что-то не так? - склонившись к уху подруги, прошептала Фос.

Сио покачала головой.

– Да ничего. Я была очень напряжена, вот и отреагировала чрезмерно.

В этот миг Клейн отложил вилку и нож и, не меняясь в лице, бросил взгляд в сторону.

В глазах Клейна со включённым Духовным Зрением возникла из пустоты белокурая красная голова. Во рту она держала толстое письмо.

Клейн смутно улавливал запахи молока, пшеницы и рыбы.

У него задргались уголки рта, и он тайком протянул руку, схватил письмо. И сидящие на остальных трёх местах соответственно Махт, Риана и Хейзел ничего не заметили.

Сунул письмо в карман так, что не заметил никто, в это время из кладовой входил официант, поднося четверым посетителям новые блюда. Из этих блюд два были с грибами, жареными на сливочном масле.

Это зрелище вызвало внезапное отвращение у Клейна. На лице его возникло странное выражение, а левая рука, что оставалась в кармане, задрожала.